
А. НАКАДЗАВА

К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси

Фразеологизм *бити челом* (и производное от него существительное *челобитье*) является одним из самых популярных выражений в деловой речи Московской Руси. Популярность этого термина и его широкое применение в разных областях письменности, естественно, уже привлекали внимание исследователей, особенно лингвистов. Имеются и специальные статьи, посвященные данной теме.¹

Лексикологи, в том числе авторы этимологических словарей, относят время появления фразеологизма *бити челом* к первой половине XIV в.² Дальнейшие этапы развития этого выражения выглядят примерно так: со второй половины XIV в. фразеологизм *бити челом* получил широкое распространение в деловой письменности на всей территории Древней Руси. Утратив свое первоначальное значение, т. е. реальный этикетно-церемониальный жест («кланяться до земли»), это выражение употреблялось в письмах и в частных актах в значении «просить» или «жаловаться». В XV—XVI вв., укоренившись в обиходе московской деловой речи и расширив сферу применения, данный фразеологизм в частных актах и эпистолярных сочинениях стал формулярным выражением и в связи с этим появилось производное от него слово *челобитье*, которое представляет собой общее название грамоты такого рода и назначения. Во второй половине XVI в.

¹ Тарабасова Н. И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII века // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 144—155; Волков С. С. 1) Из истории русской лексики. II. Челобитная // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972. Вып. 1. С. 46—61; 2) Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 4. С. 328 (*челобитная*); Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989. С. 476; Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб., 1998 (см. здесь библиографию по данной теме); Волков С. С. Из истории русской лексики. II. Челобитная. С. 46, 48—49; Кулматов Д. С. Бить челом // Русская речь. 1994. № 1. С. 109.

появилось слово *челобитная* — название особого вида грамоты, которая содержит просьбу или жалобу, направляемую от низшего к вышестоящему по социальной иерархии человеку.³ В связи с укреплением самодержавного правления на Руси резко увеличилось количество *челобитных*, обращенных на имя единственного представителя верховной власти — царя.⁴ В XVII в. выражение *бити челом* активно использовалось в частной переписке (*грамотки, челобитенки, письма*). Будучи обязательным элементом их формуляра, этот фразеологизм приобретал различные оттенки переносного значения для выражения вежливости, приветствия, просьбы, благодарности, прошения, жалобы и т. п.⁵ Кроме того, в XVII в. это выражение вошло в разговорную речь в качестве приветственного обращения.⁶

Несмотря на то что история рассматриваемой лексемы на Руси в период со второй половины XIV в. до XVII в. в достаточной мере освещена наукой, вопрос о ее происхождении и ранний этап эволюции остаются малоизученными. В частности, не обращалось должного внимания на историко-культурную основу возникновения соответствующего церемониального жеста. Некоторые историки и лингвисты склонны были видеть в появлении *челобитья* на Руси монгольское влияние.⁷ Так, например, американский исследователь Доналд Островски считает, что *челобитье* наряду с «системой двойной администрации, началом *местничества* и применением монгольской военной техники» возникло под «серьезным монгольским влиянием» не ранее эпохи Московского государства.⁸ Но, как мы увидим ниже, решение вопроса о происхождении *челобитья* не столь однозначно. На самом деле необходимо искать историко-культурные корни этого этикетного жеста и формулы в более раннем времени, в домонгольском периоде древнерусской истории.

Ранние русские летописи сообщают, что в Киевской Руси в духовной и княжеской среде существовал подобный *челобитью* церемониальный жест, который передавался в источниках словами *кланяться, поклониться, поклон*. Кроме того, в рассказах о политических событиях XII—XIII вв. мы находим весьма схожий жест у русских князей — *ударити челом*. Думается, что при изучении происхождения выражения *челобитье* и его эволюции на

³ Волков С. С. Из истории русской лексики. II. Челобитная. С. 53.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Тарабасова Н. И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII века. С. 144—155.

⁶ В словаре (разговорнике), составленном Тенни Фенне в 1607 г., можно прочесть приветственные обращения «Челом, мои миле нѣмчине, как тебе Бог на дорогу милует?», «Челом, друже!» (ПЛДР. Т. 9. С. 528, 529). Кстати говоря, «челом» как приветствие сохраняется и в современном украинском языке.

⁷ Рихтер А. Исследования о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. 1825. Т. 22. № 62. С. 334—335; Веселовский Н. И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911. С. 1; Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // Slavic Review. 1990 (Winter). Vol. 49, N. 4. P. 525—542; Fukuyasu J. «Челобитье» как эпистолярная формула почтения // Studia Philologica Palaeorussica. Kyoto, 2000. Vol. 20. P. 107—122 (на японском языке).

⁸ Ostrowski D. Muscovy and the Mongols // Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304—1589. Cambridge University Press, 1998. P. 16.

раннем этапе бытования целесообразно будет сопоставить его со сходными и предшествующими языковыми явлениями, рассмотреть их комплексно. В этой связи удобно будет анализировать наш предмет исследования в трех аспектах, так или иначе соотносящихся с этапами его эволюции: 1) *поклон* и *гелобитье* как обрядовый жест; 2) *поклон* и *гелобитье* как речевая формула; 3) *поклон* и *гелобитье* как письменная формула.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают период примерно до середины XV в., когда выражения *бити гелом*, *гелобитье* окончательно закрепились в актовой письменности Московского государства.

1. *Поклон и ударение гелом как обрядовый жест*

1) *Посольский и княжеский поклон*

В христианском мире культовый поклон известен с глубокой древности. Со временем сложились различные виды поклонов (малый или поясной, большой или земной), установились подробные правила их исполнения. На Руси с принятием христианства также получили распространение религиозные поклоны, которые стали совершаться в церковной среде в культовой практике, при богослужении.⁹ В древнейших летописных сообщениях и рассказах о знаменитых церковных деятелях нередко встречаются упоминания подобных религиозных поклонов. Церковники и миряне кланялись в храме перед образами Бога, Богородицы, святых, перед святынями, перед своими наставниками. В «Повести временных лет» описывается сцена, когда теребовльский князь Василько Ростиславич по пути в Киев поклонился ангелу-покровителю великого князя Святополка Изяславича: «Приде Василко <...> и перевезеса на Выдобычь. и иде поклонитя къ святому Михаилу в монастырь» (Лаврентьевская летопись под 6605 (1097) г.).¹⁰ Фрагмент из «Поучения Владимира Мономаха» показывает, что в княжеской семье существовал обычай совершать многократные «ночные поклоны»: «Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитя до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночным поклоном и пѣньем челоуѣкъ побѣждает дьявола».¹¹

Из этих примеров можно заключить, что христианский обряд в какой-то мере укоренился в жизни людей Древней Руси, по крайней мере в правящих сословиях. В «Чтении о житии и о погублении Бориса и Глеба», написанном Нестором в конце XI в., красочно описан поклон святого Бориса перед своим отцом Владимиром. Когда Борис отправлялся в поход против печенегов, он прощался с отцом, лежащим на смертном орде, и поклонился

⁹ В «Повести временных лет» под 1051 г. рассказывается, что святой Феодосий ввел Студийский устав в Киево-Печерском монастыре и «устави въ монастыри своемь, како пѣти пѣнья монастырская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви».

¹⁰ Цитаты из ранних русских летописей даются по следующим изданиям: ПСРЛ. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись; ПСРЛ. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись; ПСРЛ. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

¹¹ БЛДР. Т. 1. С. 462.

ему: «Блаженни же пад, поклонися отцю своему и облобыза честней нозе его, и паки въстав, обуим выю его, целоваше со слезами». ¹² Подобный, казалось бы, «княжеский» поклон мало чем отличается от поклона инока перед наставником, какой можно видеть, например, в «Киево-Печерском патерике» XIII в.: «Азъ же, видѣх преподобнаго, от радости притекъ, пад на нозѣ его и поклонися ему (Феодосию Печерскому. — А. Н.) до земля. Онъ же въстави мя, нача благословляти, и, обиасть рукама своима, нача любѣзнѣ лобызати мя». ¹³

Вместе с этим в политической деятельности древнерусских князей можно видеть и поклоны сугубо светского характера. Самое раннее упоминание о таком жесте можно найти в эпизоде о четвертой мести княгини Ольги древлянам. Объявив, что она не хочет возложить на них тяжкую дань, княгиня потребовала в качестве дани голубей и воробьев (будто это легкая дань): «...Древляне же ради бывше. И собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи. И послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: “Се уже есть покорилися мнѣ и моему дѣтяти. А идѣте въ градъ, а язъ заутра отступлю от города...”» (Лаврентьевская летопись под 6454 (946) г.). Далее следует известие о сожжении города с помощью птиц. Очевидно, что здесь поклон древлян служит знаком сдачи города и подчинения.

Подобный жест посла встречается и в сцене переговоров о мире между Святославом Игоревичем и греками в 971 г.: «...И (*греки*) послаша к нему (*Святославу*) злато и паволоки. <...> Онъ (*посол*) же возьмѣ дары, приде къ Святославу. И яко придоша грѣци с поклономъ и рече: “Въведете я сѣмо”. И придоша и поклонишася ему, и положиша пред нимъ злато и паволоки...» (Ипатьевская летопись под 6478 (971) г.). Хотя поклоном и роскошными дарами греческий посол на самом деле хотел испытать корыстолюбие Святослава, несомненно, что здесь также *посольский поклон* в мирных переговорах означает признание покорности. По-видимому, во второй половине XI—начале XII в., когда были составлены ранние летописи, такой этикетный жест был известен древнерусской дипломатической практике. Можно думать, что летописец отразил современный ему посольский обычай в рассказах о деятельности первых русских князей. Действительно, в летописных известиях XI—XIII вв. нередко наблюдаются подобные *поклоны* при заключении мирных договоров во время междоусобной борьбы. Они практиковались следующим образом: представитель побежденной стороны сам (или через посла) «поклонялся» представителю победителя, что означало признание поражения, готовность к сдаче города, к заключению мира — вообще признание безусловного подчинения, покорности.

В ходе применения на практике возникали некоторые разновидности *посольского поклона*. Иногда он бывал коллективным, например, поклон в знак принятия князя жителями города или признания его победителем. В «Повести временных лет» рассказывается о том, как горожане Киева встречали Изяслава Ярославича, когда он занял великокняжеский стол: «Изяславу же идущю къ граду, и изидоша людѣе противу с поклономъ, и прияша князь свои кыане. И сѣде Изяславъ на столѣ своемъ...» (Лавренть-

¹² Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед., подгот. текстов Н. И. Милютенко. СПб., 2006. С. 366.

¹³ БЛДР. Т. 4. С. 352—354.

евская летопись под 6577 (1069) г.). Здесь жители покоренного города встречали князя и поклонялись ему, несомненно, в знак признания его воцарения.

Иногда с таким поклоном выступает сам князь, неудачно защищающий город, совместно со своими ратниками и горожанами. В Ипатьевской летописи под 6624 (1116) г. описан эпизод, когда Владимир Мономах в союзе с черниговскими князьями осадил город Минск, который защищал Глеб Всеславич. Увидев множество воинов, Глеб стал «ужасаться» и решил сдаться: «Глѣбъ же вышедъ изъ города съ дѣтьми и съ дружиною, поклонися Володимеру; и молвиша рѣчи о мирѣ, и обѣшася Глѣбъ по всему слушати Володимера». В той же летописи под 6655 (1147) г. описывается военный поход киевского князя Изяслава Мстиславича на Городок: «... и приде Изяславъ к Городку на Глѣба и стоя около его 3 дни. Гюргевичъ (*Глеб*) же убо явѣся и выѣха из Городка и поклонися Изяславу и умирися с ним».

В мирное время горожане также совершали церемониальные поклоны перед князьями в знак готовности к их принятию. В Лаврентьевской летописи под 6708 (1200) г. читается известие о прощении новгородцев к Всеволоду Большое Гнездо (о добровольном принятии князя): «Тои же осени придоша новгородци, лѣпшиѣ мужи, Мирошъчина чадь к великому князю Всеволоду съ поклономъ и с молбою всего Новагорода, рекуще: “Ты, господинъ, князь великий Всеволодъ Гюргевич, просимъ у тебе сына княжить Новугороду”». ¹⁴

Помимо указанного *посольского поклона* и поклона жителей города в знак принятия князя в летописных известиях XI—XIII вв. нередко встречается особый поклон, который исполнялся в сходной ситуации, но был распространен только в княжеской среде. Для удобства рассмотрения условно назовем его *княжеским поклоном*. ¹⁵ Рассмотрим два фрагмента летописных статей: «Тоѣ же осени да Гюргии Андрѣви, сынови своему, Туровъ, Пинескъ и Пересопницу. Андрѣи поклонивъся отцю своему и шедъ сѣде

¹⁴ Приведем еще сведения о *посольских поклонах* в летописных сообщениях с указанием года известия и адресанта (кто) — адресата (кому): 1) в «Повести временных лет»: под 6496 (988) г. курсуняне — Владимиру Святославичу; под 6601 (1093) г. князья — Святополку II Изяславичу; 2) в Лаврентьевской летописи: под 6688 (1180) г. князичи в Коломне — Всеволоду Юрьевичу; под 6694 (1186) г. полочане — Давиду Ростиславичу, Мстиславу Давидовичу, Василику Володаревичу, Всеволоду Рогволодовичу; под 6715 (1207) г. рязанцы — Всеволоду Юрьевичу; 3) в Ипатьевской летописи: под 6619 (1111) г. жители города Шарукань — Владимиру Мономаху и другим русским князьям; под 6631 (1123) г. жители города Владимира Вольнского — Ярославу Святославичу; под 6652 (1144) г. Владимир Володаревич — Всеволоду Ольговичу (Галич); под 6653 (1145) г. Болеслав и Можек Владиславичи — Игорю Ольговичу («Лядская» земля); под 6658 (1150) г. жители Дорогобужа — Изяславу Мстиславичу со своими князьями; под 6658 (1150) г. жители Кореческа — Изяславу Мстиславичу; 4) в Новгородской первой летописи: под 6704 (1196) г. новоторожцы — Ярославу Владимировичу; под 6706 (1198) г. ладожане — Ярославу Владимировичу.

¹⁵ Следует отметить, что *посольский поклон* и *княжеский поклон* по существу не отличаются друг от друга. В Древней Руси в послы выбирались высокопоставленные лица, их считали заместителем, фактотумом князя. Они поклонялись от лица посланца, их поклон должен быть принят как поклон самого князя (*Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI—XIII вв. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 143*).

в Пересопниці» (Ипатьевская летопись, под 6659 (1151) г.); «Того же дне и Костантинъ князь приѣха из Новагорода къ отцю своему и срѣтоша и на рѣцѣ Шедашцѣ вся братья его (...) въѣхаша в градъ Володимеръ и поклонися отцю своему Костантинъ, отецъ же его вставъ обуимъ и цѣлова любезно и с радостью великою...» (Лаврентьевская летопись, под 6714 (1206) г.). *Княжеский поклон*, как правило, совершался тогда, когда сын встречал родного отца, а иногда адресатом поклона был дядя. Так, например, случилось, когда по ходатайству Андрея Боголюбского Изяславу Мстиславичу удалось примириться с Юрием Долгоруким, своим дядей по отцу. После этого Изяслав поехал посетить двоих дядьев — Юрия и Вячеслава Владимировичей: «Изяслав <...> приѣха къ стрыема в Пересопницу, и сѣдшим имъ на едином мѣстѣ, и уладишася, кдѣ что свое познавше лицом имати. Изяславъ же поклоняся стрыема и ѣха Володимерю» (Лаврентьевская летопись под 6657 (1149) г.). Далее мы вновь находим *княжеский поклон* своему дяде: «Изяславъ же видивъ Гюргя съ сыновци своими съвкупившася, цѣлова къ нимъ хрестъ, и тогда Дюрги отпусти сыновцѣ своя. Ростиславъ же поклонися строеви своему Гюргеви и поиде въ свои Смолнескъ» (Ипатьевская летопись под 6663 (1155) г.).

Примечательно, что *княжеский поклон* иногда сопровождается обращением «отец» и/или «господин». Младший брат Изяслава Мстиславича Ростислав поклонился дяде Вячеславу и назвал его «господине отче»: «Ростиславъ же то слышавъ, и поклонися отцю своему Вячеславу и рече ему: “Велми радъ, господине отче, имѣю тя отцомъ господиномъ, якоже и братья мои Изяславъ имѣлъ ты и въ твои воли былъ”» (Ипатьевская летопись под 6662 (1154) г.). А в 1229 г. князь Владимира-Залесского Юрий Всеволодович примирился с тремя племянниками, Василием, Всеволодом и Владимиром Константиновичами. При заключении мира они поклонились своему дяде и признали его «отцом и господином»: «...благоразумный князь Юрги призва ихъ на снем в Суждаль. И исправивше все нелюбие межю собою, поклоняшася Юрью вси, имуще его отномъ собѣ и господиномъ, цѣловаша крестъ» (Лаврентьевская летопись под 6737 (1229) г.).

Можно полагать, что в княжеской среде XII—первой половины XIII в. сформировался особый вид обряда с поклоном, который совершался с целью определения и утверждения иерархии княжеских отношений. И это, несомненно, было связано с ситуациями, когда из-за междоусобиц нарушался политический порядок, установленный по традиционному родовому принципу («по старшинству»). Каждый раз при заключении мира для восстановления порядка требовалось утвердить новые отношения между князьями «по старшинству». Обряд с поклоном и с обращением «отец» и «господин», которые служили знаком признания поклонившимся статуса «младшего», должен был играть существенную роль в политической жизни Древней Руси.¹⁶

¹⁶ Приведем еще эпизоды с *княжеским поклоном* в летописных сообщениях с указанием года известия, адресанта (кто) — адресата (кому) и родственными отношениями первого к последнему: 1) в Лаврентьевской летописи: под 6635 (1127) г. Ярослав Святославич — Мстиславу Владимировичу (двоюродный брат); под 6658 (1150) г. Андрей Юрьевич — Юрию Владимировичу (отец); 2) в Ипатьевской летописи: под 6657

Ярким примером особого значения *княжеского поклона* может служить эпизод из статьи Ипатьевской летописи под 6659 (1151) г. Длинная речь Вячеслава Владимировича про поклоны, обращенная к своему младшему брату Юрию Долгорукому, позволяет понять, какое важное место занимал этот жест в княжеской среде: «...и то ми еси молвилъ: “Противу моложьшему не могу ся поклонити.” Се же Изяславъ аче и двоича ступилъ слова своего, се же нам добывъ Киева и поклонилъ ми ся, и честь на мнѣ положилъ, и в Киевѣ мя посадилъ, и отцемъ мя назвалъ, а я его сыномъ. Дажь еси рекль: “Моложьшему ся не поклоню,” да се азъ тебе старѣи есмь не маломъ, но многомъ. Азъ уже бородасть, а ты ся еси родилъ. Паки ли хоцещи на мое старшинство поѣхати (посягать. — А. Н.), яко то еси поѣхалъ, да Богъ за всимъ» (Ипатьевская летопись под 6659 (1151) г.).

Сугубо политическое значение *княжеского поклона* можно видеть и в другом случае. В 1127 г. черниговский князь Ярослав Святославич был изгнан родным племянником Всеволодом Ольговичем из своего города и вынужден был уехать в Муром. Ярослав обратился к киевскому князю Мстиславу Владимировичу с призывом совместно совершить поход на Всеволода согласно клятве на кресте: «И приде Ярославъ из Мурома и поклонися Местиславу, река: “Хрестъ еси ко мнѣ цѣловалъ, поиди на Всеволода”...» (Лаврентьевская летопись под 6635 (1127) г.). Мстиславу Киевскому Ярослав приходился дядей, поэтому поклон Ярослава племяннику на первый взгляд может показаться странным, однако этим обрядовым жестом Ярослав заново подтвердил старейшинство киевского князя в тогдашней княжеской иерархии, хотя он сам был намного старше Мстислава по возрасту. Тем самым Ярослав требовал выполнения обязательств по крестоцеловальной клятве, данной, вероятно, во время вокняжения Мстислава в Киеве в 1125 г.

С середины XIII в., после татаро-монгольского нашествия, *княжеский поклон* подвергся изменению или переориентации в связи с коренным преобразованием всей структуры власти. Князьям приходилось «поклоняться» перед новыми властями — монгольскими ханами, но при этом русские князья четко отличали свой поклон как дипломатический обряд от религиозного поклонения. В этом можно убедиться на примере летописного рассказа о гибели черниговского князя Михаила Васильевича в 1245 г. Князь Михаил, убежав от венгерского короля, поехал к Батыю и попросил у него волости. Хан потребовал от него поклонения перед их идолами, говоря: «Поклонися отецъ нашихъ закону». На это испытание князь отвечал: «Аще Богъ ны есть предалъ и власть нашу грѣхъ ради наших во руцѣ ваши, тобѣ кланяемся и чести приносим ти. А закону отецъ твоихъ и твоему богонечестивому повелению не кланяемся» (Галицко-Волынская летопись под 6753 (1245) г.).¹⁷

(1149) г. Владимир Давидович — Юрию Владимировичу (?); под 6658 (1150) г. Глеб Юрьевич — Изяславу Мстиславичу (двоюродный брат, но в источнике — «отец»); под 6658 (1150) г. Изяслав Мстиславич — Вячеславу Владимировичу (дядя, но в источнике — «отец»); под 6658 (1150) г. Андрей Юрьевич — Юрию Владимировичу (отец).

¹⁷ В памятнике второй половины XIII в. «Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» ответ Михаила хану звучит по-иному, но

2) Ударение гелом как усилительный вариант поклона

В летописных известиях XII в. мы находим несколько примеров, когда исследуемый княжеский обряд при заключении мирного договора описывается не словом *поклон*, а фразой *ударити гелом*. Согласно Ипатьевской летописи, в 1117 г. великий князь Владимир Мономах с союзными князьями осадил город Владимир-Волынский, воюя против Ярослава Святополковича. После 60-дневной осады Ярослав сдался: «...и створи миръ съ Ярославомъ. Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ передъ строемъ своимъ Володимеромъ, и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему к собѣ приходити, “когда ты позову.” И тако в мирѣ разидошася каждо въсвоися» (Ипатьевская летопись под 6625 (1117) г.). В 1149 г. князь Ростислав Юрьевич Южно-Переяславский, который некоторое время был в разладе со своим отцом Юрием Владимировичем Долгоруким, поссорился с двоюродным братом Изяславом Мстиславичем и решил вернуться к отцу Юрию: «...пришедъ къ отцю своему в Суждаль и ударъ перед ним челомъ и рече: “Слышалъ есмь, оже хочеть тебе вся Руская земля и Черныи Клобукъ и тако мольвятъ, и насъ есть обеществовалъ, а поиди на нь”» (Ипатьевская летопись, под 6657 (1149) г.). В 1155 г. Святослав Всеволодович встретил своего дядю («строая») Святослава Ольговича в Стародубе, «и приѣхавъ, ударил ему челомъ, река: “Избезумилъся есмь”. Святославъ же Олгович поча молитися свату своему, Дюргеви, веля ему прияти в любовь сыновъца своего Всеволода. Гюрги же тому миръ дасть...» (Ипатьевская летопись под 6663 (1155) г.).

Фраза *ударити гелом* в указанных фрагментах используется в ситуациях, весьма похожих на рассмотренный выше *княжеский поклон*. Во всех трех случаях фигурируют близкородственные князья, и младшие князья обращаются с *ударением гелом* к старшим (племянник к дяде; родной сын к отцу; племянник к двоюродному дяде). Тогда чем же отличается *ударение гелом* от *княжеского поклона*?

Если пристально всмотреться в обстоятельства, при которых князья *ударяли гелом*, можно заметить, что это *ударение гелом* совершалось в особенно сложных и тяжелых ситуациях для младших князей. В первом фрагменте Ярослав Святополкович этим жестом демонстрирует полное подчинение своему дяде Владимиру Мономаху после продолжительной осады своего города. Во втором случае Ростислав Юрьевич, разорвав союз с Изяславом Мстиславичем, глубоко раскаялся в том, что он уехал от отца, и, вернувшись к отцу, сразу *ударил гелом* перед ним. В последнем фрагменте Святослав Всеволодович, *ударив гелом* перед Юрием Долгоруким, раскаиваясь, признался, что он лишился разума («избезумилъся есмь»). По ходатайству своего дяди Святослава Ольговича Святослав Всеволодович еле спасся, заключив мир с Юрием. Рассмотрев данные примеры, можно заключить, что *ударение гелом* употребляется здесь как усиленный вариант *княжеского поклона*.

В Лаврентьевской летописи выражение *ударити гелом* встречается в двух известиях. В 1164 г. Андрей Боголюбский, одержав победу над бол-

почти в том же смысле: «Тобѣ, цесарю, кланяюся, понеже Богъ поручил ти есть царство свѣта сего. А ему (монгольскому божеству. — А. Н.) же велиши поклонитися, — не поклонюся» (БЛДР. Т. 5. С. 160).

гарами, вернулся в свой стан и вместе с другими князьями низко поклонился перед иконой Владимирской Богоматери: «...и приехавъ до святое Богородици и до пѣшець князь Андрѣи с Гургемъ и со Изяславом и съ Ярославом и со всею дружиною удариша челомъ передъ святою Богородицею и почаша целовати святу Богородицу с радостью великою и со слезами...» (Лаврентьевская летопись под 6672 (1164) г.). Здесь жест Андрея и других князей является религиозным поклоном, который обычно выражается в летописях глаголом *поклонитися*. Судя по тому, что этот поклон был совершен по случаю особенно славной победы, фразеологизм *ударити гелом* использован, чтобы подчеркнуть торжественность сцены.¹⁸

В той же летописи под 1184 г. рассказывается о пяти половецких послах, присланных к князю Всеволоду Юрьевичу: «...пошедшу же князю в поле, узрѣша наши сторожеве полкъ в полии (...) И приѣхаша 5 мужъ ис полку того и удариша челомъ передъ княземъ Всеволодомъ и сказаша ему рѣчь: “Кланяются, княже, половци Емякове. Пришли есьмы со княземъ Болгарскимъ воевать Болгарь...”» (Лаврентьевская летопись под 6692 (1184) г.). Следует обратить внимание на то, что, хотя сцена изложена по схеме *посольского поклона*, послы оказываются не княжескими, а половецкими. Можно думать, что, используя фразу *ударити гелом*, автор этого известия хотел подчеркнуть самоунижение кланяющихся иноверцев по отношению к русским князьям.

Откуда взялось выражение «ударити челом», и почему оно сосуществовало рядом с обыкновенным термином *поклон*? Версия прямого монгольского влияния на происхождение фразеологизма *бити гелом*, которой придерживаются некоторые исследователи,¹⁹ легко опровергается хронологическими выкладками: фраза *ударити гелом* и частично фраза *выбити гелом* (это мы обсудим ниже) были известны и использовались уже в XII в.

Американский историк-тюрколог Питер Голден, сопоставляя параллельные выражения в славянских и в тюркских языках (как в исторических, так и в современных материалах), пришел к выводу, что фразеологизм *бити гелом* (*ударити гелом*) должен был возникнуть в результате калькирования аналогичных по смыслу словосочетаний в тюркских языках. Так, например, в современных тюркских языках до сих пор существуют устойчивое выражение *баш ороу* ('земной поклон' по-башкирски; ср. *баш ору* по-татарски, *баш урмаг* по-турецки и т. д.).²⁰ Действительно, смысловой па-

¹⁸ Текст Радзивилловской летописи содержит вторичные чтения: «...до пѣшець князь Андрѣй со Гургемъ, со Изяславом и Ярославом, и со всею дружиною, и поклонишася предъ святою Богородицею». Словом «поклонишася», несомненно, заменена первичная фраза «ударити челом», так как в летописях глагол *поклонитися* всегда употребляется с дополнением в дательном падеже (поклонитися кому-нибудь), и указанное словосочетание (поклонитися перед кем-нибудь) получилось в результате механической замены слов. Следует отметить, что это разночтение служит дополнительным аргументом в пользу того, что *ударение гелом* и *поклон* были взаимозаменяемы для древнерусских книжников.

¹⁹ См. выше, сн. 7 и 8.

²⁰ Golden P. B. *Turkic Calques in Medieval Eastern Slavic* [=Journal of Turkish Studies 8. Cambridge, MA, 1984] // *Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe: Turks, Khazars and Qipchaqs*. 2003. P. II: 109. См. также: Кулмаматов Д. С. Бить челом. С. 111.

раллелизм позволяет предположить тюркоязычное происхождение рассматриваемого выражения. Можно думать, что в ходе дипломатических сношений с тюркоязычными степными кочевниками (половцами, печенегами, торками), их посольский обычай (поклон до земли) мог быть воспринят русскими, и новое выражение *бити гелом* стало употребляться как усилительный вариант обыкновенного и традиционного термина *поклон*.

2. *Поклон и бити гелом* как речевая формула

1) *Поклон* как речевая формула

Интересно отметить, что в летописных сообщениях XII—XIII вв. *поклон* передавался не только жестом, но и речью самого «поклоняющегося». Посмотрим, как он представлен в источниках.

Летопись сообщает, что в 1151 г., когда Вячеслав Владимирович Киевский предложил племяннику Изяславу Мстиславичу вместе занять великокняжеский стол, тот согласился: «Изяслав же съ великою радостью и съ великою честью поклонися отцю своему (*Вязгеславу*) и рече: “Отце! кланяю ти ся; како есвѣ рекла, тако же намъ и дай Богъ быти по мѣсту, доколѣ же и жива будеѣ»» (Ипатьевская летопись под 6659 (1151) г.). Здесь поклон-жест был совершен посланником Изяслава от лица своего князя, а кроме того, передан (*кланяю ти ся*) в прямой речи Изяслава, и это уже не жест, а его словесное выражение — речевое обращение.

Если учесть, что в XI—первой половине XIII в. посол передавал слова своего хозяина, употребляя прямую речь от лица князя,²¹ то естественно думать, что он, как правило, одновременно и «высказывал» *поклон* князя в прямой речи, и поклонялся сам (передавал *поклон* в прямом жесте). Действительно, при предложении мира от старшего брата Изяслава Ростислав Мстиславич ответил брату через посла: «Брате, кланяю ти ся. Ты еси мене старѣи, а како ты вгадаеши, а язъ в томъ готовъ есмь; аже, брате, на менѣ честь покладываешь, то язъ быхъ, брате, тако реклѣ: “Рускихъ дѣля земля и хрестьянъ дѣля”» (Ипатьевская летопись под 6656 (1148) г.). В той же летописи под 6658 (1150) г. читаем рассказ о Глебе Юрьевиче, который отправил посла к Изяславу Мстиславичу, готовившему осаду стольного города Глеба — Пересопницы: «...выславъ же Глѣбъ и рече Изяславу: “Ако мнѣ Гюрги отецъ, тако мнѣ и ты отецъ, а язъ ти ся кланяю; ты ся с моимъ отцемъ самъ вѣдаешь, а мене пусти къ отцю <...>, но пустиши мя къ отцю своему, а язъ к тобѣ самъ поѣду и поклоню ти ся”». Так князь Глеб, передавая свой поклон через посла, обещает, что сам пойдет к Изяславу и поклонится перед ним. Он сдержал слово: «Глѣб же выѣха и поклонися Изяславу». Немного позже Изяслав Мстиславич отправил посла к дяде Вячеславу Владимировичу с подобным речевым поклоном: «Утрии же день Изяславъ посла у Вышегородъ к отцю своему Вячеславу и рече ему: “Отце, кланяю ти ся,

²¹ Д. С. Лихачев, давая общую характеристику посольского обычая XI—XIII вв., отмечает: «Из летописи видно, что послу давался общий наказ о том, как должен себя вести посол в том или ином случае, и отдельно поручались “речи”, которые посол не мог изменять по-своему и передавал, соблюдая грамматические формы первого лица, от лица пославшего» (Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI—XIII вв. С. 141).

а что ми Богъ отца моего Мистислава отяль, а ты ми еси отецъ. Нынѣ кланяю ти ся, сьгрѣшилъ есмь...» (Ипатьевская летопись под 6658 (1150) г.).²²

Указанные фрагменты показывают, что *регевый поклон*, как правило, сопровождался ритуальным поклоном. Обрядовый жест дублировался словесно. Тут важно обратить внимание на то, что обрядовый поклон, обретая речевую форму, превращался в своего рода обращение. В этом *регевом поклоне* мы склонны видеть новый этап на пути к дальнейшему образованию этикетной формулы.

2) *Бити челом* как речевая формула

В отличие от слова *поклоняться* употребление его усиительного варианта *ударити челом* ограничивалось описанием обрядового жеста, и эта фраза не входила в прямую речь посла (или князя). В древнерусских летописях мы не встречаем сцен, когда посол передавал бы слова князя, говоря «ударяю ти челом». Но на смену формуле *ударити челом* с конца XII в. пришло новое синонимическое выражение — *бити челом*.

В научной литературе появление этого фразеологизма относится к первой половине XIV в.,²³ однако рассмотрение источников показывает, что его упоминание фиксируется гораздо раньше. Оно встречается уже в летописных статьях конца XII в.²⁴ Так, в Лаврентьевской летописи под 6694 (1186) г. читается рассказ об усобице князей в Северо-Восточной Руси: «Всеволодъ же Гюргевичъ слышавъ то, оже передался Святославъ на лъсти, а дружину его выдалъ, нача збирати вои, река: “Даи мою дружину добром, како то еси у мене пояль. Аще ся миришь с братьею своею, а мои люди чему выдаешь. Язь к тобѣ послалъ, а ты у мене выбилъ челомъ, приславъ. Аще ты ратенъ, си ратни же, аще ты миренъ, а си мирни же...”». Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо требует у Святослава Глебовича Пронского, чтобы тот возвратил его дружину, обманом задержанную последним. При этом Всеволод рассказывает, что Святослав, отправив посла, усиленно выпросил («выбилъ челомъ») у него ратников — дружину Всеволода.

Думается, что возникновение нового выражения *бити челом* было связано с тем, что, когда усиительный вариант *поклона* (ударити челом) входил в речевой обиход, потребовалась более подходящая форма. Об этом свидетельствует рассказ Галицко-Волынской летописи о ссоре между родственными князьями: «Присла Юрьи Львовичъ посоль свои ко строеви сво-

²² Помимо указанных примеров приведем сведения о *регевом поклоне*: 6659 (1151) г. Юрий Долгорукий — Вячеславу Владимировичу; 6684 (1176) г. Глеб Всеволодович — Михаилу Юрьевичу.

²³ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. С. 328; Волков С. С. Из истории русской лексики. II. Челобитная. С. 46, 48—49. Авторы указывают фразу в грамоте 1315—1322 гг.: «Се би челом староста Азика и Харагинец <...> князю Офонасью на Василья...» как одно из самых ранних упоминаний фразеологизма. См. также: Кулмаатов Д. С. Бить челом. С. 109.

²⁴ Разумеется, многочисленные выражения вроде *бити челом*, *челобитье* и т. п., встречающиеся в летописных статьях X—XII вв. в поздних летописных сводах, таких как Воскресенская, Никоновская и других летописях, нами не учитываются, поскольку они с большой долей вероятности появились в результате вставок и переработок сводчиков-редакторов. Редакторскую работу над этой формулой в Софийской первой летописи и ее значение мы обсудим ниже.

ему князю Володимеру, река ему: “Господине строю мои <...> нынѣ, господине, отець мои прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ у мене города, что ми былъ даль: Белзъ и Червень и Холмъ, а велить ми быти в Дорогычинѣ и в Мѣлницѣ. А бью челом Богу и тобѣ, строеви своему. Даи ми, господине, Берестии...”» (Ипатьевская летопись под 6796 (1288) г.). Здесь данное выражение выступает в прямой речи посла Юрия Львовича Галицкого, направленной к своему двоюродному дяде (строеви) — волынскому князю Владимиру Васильковичу, чтобы последний отдал ему наследственную волость. И в этом случае фраза *бью челом* выполняет ту же самую функцию, что и рассмотренная выше речевая формула *поклоняться*.

Почему фраза *бити челом* стала использоваться вместо выражения *ударити челом*? Можно думать, что, поскольку этот фразеологизм был заимствованным или калькированным из иностранных (тюркских) языков выражением, в речевой практике первая часть фразы (*ударити*) без труда могла быть заменена более коротким и подходящим словом (*бити*). Кроме того, фраза *ударити челом*, которая означала обрядовый поклон и обычно употреблялась с предлогом «перед», оказывалась неудобной, когда она уже перестала представлять собой реальный жест.²⁵

3. Поклон и челобитье как письменная формула

1) Поклон как письменная формула

Параллельно с *регевым поклоном* в древнерусских памятниках письменности, в частности, в эпистолярном жанре, появлялась его фиксация как этикетная формула. *Письменный поклон* на самом раннем этапе бытования обнаруживается в берестяных грамотах XII—XIII вв. Здесь этикетная формула выражается словами *поклоняться*, *покланяние* и *поклонъ*. Анализ текстов берестяных грамот показывает, что раньше всего в них зафиксирована фраза *покланяю ти ся* — именно та фраза, которую мы видели в речевом *посольском поклоне*. Можно предположить, что это происходило под влиянием достаточно устойчивой формулы посольской деятельности.

²⁵ Необходимо оговориться, что фразеологизм *ударити челом* не совсем вышел из употребления в памятниках письменности. В XIV—XVII вв. он употреблялся именно для выражения реального жеста в разных случаях церемониала. В послании Кирилла Белозерского князю Юрию Дмитриевичу, написанном в первой четверти XV в., автор сообщает, что приезд князя Андрея, брата Юрия Дмитриевича, заставил его неохотно совершить обряд челобитья: «Был, господине, здѣсе брат твои, князь Ондреи; ино, господине: его отчина, и намъ пришла нужда; нелзе нам ему, своему господину, челом не ударити» (БЛДР. Т. 6. С. 430). «Повесть о Псковском взятии» (об окончательном взятии города московскими войсками в 1510 г.) сообщает о двух *ударениях челом*. «Во-первых, псковичи перед послом великого князя Василия III ударили челом в землю и не могли противу его отечати» (БЛДР. Т. 9. С. 226). Потом, выйдя навстречу самому великому князю, «вдариша псковичи государю своему в землю челом... и государь упросил в них здравия» (Там же. С. 228). В сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», составленном во второй половине XVII в., также употребляется данный фразеологизм, и во всех случаях он указывает на этикетный жест в свадебном обряде, например: «...ѣзят к царю челом ударить на другой день свадьбы» (Pennington A. E. Grigorij Kotosixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajlovica: Text and Commentary. Oxford, 1980. P. 166).

Вот примеры первоначальной этикетной формулы в берестяных грамотах: «...и покланяю ти ся, братьче мои, то си хотя мълви, ты еси мои, а я твои» (№ 605: кон. 80-х гг. XI—первая треть XII в.);²⁶ «...язь ти ся покланяю по сторовоу ва есмы» (Грамота Город.1: первая четв. XII в.); «...грамотоу и покланяю ти ся» (№ 839: сер. XII в.); «... ти въ дажь опять вьрьшью же. И покланяю ти ся» (№ 798: 60—80-е гг. XII в.). Важно отметить, что в берестяных грамотах данная фраза употребляется обычно в конце текста как заключительная формула, которая может выражать особую вежливость автора письма к адресату. Но в то же время во многих берестяных письмах XII—XIII вв. встречается формула *покланяние*, которая обычно ставилась в начале письма. Ее функция очевидна. Со словом *покланяние* в начале письма удобно указывать отправителя и адресата (*покланяние от X к Y*). Период ее использования почти совпадает со временем бытования заключительной формулы *покланяю ти ся*, и иногда в одной грамоте читаются обе формулы — начальная и заключительная (№ 605, 952 и 798). Посмотрим некоторые примеры: «Покланяние от Ефрѣма къ братоу моему Исоухиѣ. Не распрашавъ розгнѣвася мене игумене <...> И покланяю ти ся, братьче мои...» (№ 605: кон. 80-х гг. XI—первая треть XII в.); «Поклоняние от Завида къ...» (№ 798: 60—80-е гг. XII в.); «Покланяние от Домажира ко Якову...» (№ 705: 20-е гг. XIII в.).

Формула *покланяние* встречается не только в берестяных грамотах, но и в эпистолярных памятниках *литературы* Киевской Руси. Так, например, в начале «Послания нѣкоего старца к богоблаженному Василию архимандриту о скимѣ»²⁷ читается адресная формулярная фраза: «Поклоняние отъ моего недостойнства къ твоему преподобству, милый мой господине, всечестный богоблаженный Василие...». Это свидетельствует, что в XII в. это выражение было распространено не только в новгородских, но и в южно-русских землях.

Важно отметить, что в Древней Руси адресная формула *покланяние*, возможно, сначала получила распространение в церковной среде. Об этом свидетельствует тот факт, что достаточно много берестяных грамот с этим словом было написано священниками и монахами.²⁸ Принадлежность авторов писем к духовным лицам можно определить по ряду признаков текста: употребление в письмах слов «поп», «мних», христианские имена адресата, употребление церковных терминов и др. Естественно предположить, что церковное выражение *покланяние*, постепенно распространяясь из духовной среды, стало употребляться и в частной переписке светского харак-

²⁶ Цитаты из берестяных грамот даны в упрощенном и реконструированном виде. Ссылки на грамоты даются с номерами и датами по изд.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004, с добавлением материалов, описанных в следующих статьях: Зализняк А. А., Торопова Е. В., Янин В. Л. Берестяные грамоты из раскопок 2004 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 3—10; Зализняк А. А., Торопова Е. В., Янин В. Л. Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 3—19.

²⁷ Исследователи почти единогласно считают автором этого письма Кирилла Туровского и относят его создание к концу XII в. (Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв.: Исследование, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 155—166).

²⁸ Грамоты № 605, 503, 724, 682, 717, 657, 549, 725, 705, 87.

тера. В этом «переходе» могли играть немалую роль церковные писцы, которые помогали в написании писем неграмотным людям.²⁹

В берестяных грамотах слово *покланяние* продолжало использоваться вплоть до конца XIII в., а потом оно постепенно сменилось другой, сокращенной формулой — *поклонъ*. Хотя она появилась позже, чем *покланяние*, но получила значительно более широкое распространение и удерживалась дольше, до самого конца периода бытования берестяных грамот в землях Великого Новгорода (первая половина XV в.).

Наиболее ранним письмом со словом *поклонъ* является грамота Ст. Р. № 31, которая относится к концу XII в. Вот некоторые примеры текстов со словом *поклон*: «поклоно от Коленеча ко Самоуиле не печали селе ти есемо коломене на лодию» (Ст. Р. № 31: 1175–1200 гг.); «От Ане покло ко Климяте. Брате, господине, попецалоуи о моем ороудье...» (№ 531: кон. XII–нач. XIII в.); «Поклоно от подвоискаго ко Филипу...» (№ 147: 20–30-е гг. XIII в.).

Почему происходила такая смена формул в середине XIII в.? Английский исследователь С. Ворт видит в этом явлении отражение общей тенденции — движения языка от «славянского» к «русскому».³⁰ Помимо этого можно полагать, что появление новой формулы было обусловлено широким распространением грамотности в Великом Новгороде. Когда письменность выходила за пределы церковных кругов, люди начинали предпочитать более короткую, простую форму.

В связи с этим необходимо отметить важную черту формулы со словом *поклон* — удивительную устойчивость самой формулы. Среди существующих 80 писем, содержащих это слово, подавляющее большинство (76 писем) имеет адресную формулу в начале текста в виде *поклонъ от X к Y*.³¹

Такая устойчивость и стереотипность формулы позволяет предполагать, что уже начиная со второй половины XIII—начала XIV в. в Великом Новгороде берестяные письма учили писать с этой начальной адресной формулой. Действительно, знаменитая «ученическая тетрадь» мальчика Онфима (№ 199: вторая треть XIII в.), в которой читается фраза «Поклоно от Онфима ко Данилѣ», свидетельствует о популярности этой формулы в процессе обучения грамоте.

При сопоставлении количества сохранившихся берестяных грамот, содержащих указанные формулы в разные периоды, мы можем проследить определенные тенденции использования трех видов формулы.³² Ниже приведем итоговую таблицу, составленную на основе данных, представленных

²⁹ Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 208.

³⁰ Worth D. S. Incipits in the Novgorod Birchbark Letters // Semiosis: Semiotics and the History of Culture: (In Honorem Georgii Lotman). Univ. of Michigan, 1984. P. 329–330.

³¹ Только в двух самых ранних грамотах встречаются другие обороты — *от X поклон к Y* (№ 531, Твер. № 1).

³² Этот вопрос рассматривался в научных работах по берестяным грамотам. См.: Worth D. S. Incipits in the Novgorod Birchbark Letters. P. 320–332; Зализняк А. А. 1) Текстовая структура древненовгородских писем на бересте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 147–182; 2) Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 31–32; 3) Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 36–37.

в таблице А. А. Зализняка,³³ с добавлением наших данных о формуле *покланятися*.

	<i>покла(о)нятися</i>	<i>покланяние</i>	<i>поклон</i>
XI—50-е гг. XII в.	4	8	—
ок. 1160—1180 гг.	1	16	—
ок. 1180—1220 гг.	2	19	3
ок. 1220—1300 гг.	—	3	10
ок. 1300—1340 гг.	—	—	15
ок. 1340—1380 гг.	—	—	33
ок. 1380—1400 гг.	—	—	13
Первая пол. XV в.	—	—	12

2) *Бити гелом, гелобитье* как письменная формула

С середины XIII в. фраза *бити гелом* вошла в широкое употребление в летописных известиях о событиях в Новгородской земле и в Северо-Восточной Руси. В новой политической обстановке, в условиях татаро-монгольского ига, этот фразеологизм использовался не столько в описаниях отношений между князьями, сколько применительно к новым политическим отношениям. Интересно, что в двух политических центрах Русского государства это выражение получило различное развитие.

Примечательно, что в новгородских письменных источниках второй половины XIII—XV в. выражение *бити гелом* чаще всего применяется по отношению к архиепископу, главному правителю Новгородской республики. В известиях Новгородской первой летописи, сообщающих о политической жизни этого времени, встречаем следующие примеры, в которых крестьяне, жители Новгорода и пригородов обращались к своему владыке: «Преже преставления Далматова (архиепископа Новгородского. — А. Н.) посадник Павъша с мужи стареѣшими *биша чоломъ* Далмату: “Кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха и учителя?”» (Новгородская первая летопись под 6782 (1274) г.); «...и приехаша послове изо Пскова, *биша челомъ* владыцѣ Василию, ркуче такъ: “Богови тако изволшю, святои Троицѣ, дѣтемъ твоимъ псковичемъ Богъ рекль жити дотолѣ, чтобы еси, господине, былъ у святои Троици...”» (Новгородская первая летопись под 6860 (1352) г.); «Того же лѣта бысть моръ силенъ въ Плесковѣ, и прислаша послове плесковици къ владыцѣ с молбою и *челобитьемъ*, чтобы, ехавши, благословилъ бы еси нас, своих дѣтей, и владыка, ехавъ, благослови их и городъ Псковъ съ кресты обходи» (Новгородская первая летопись под 6868 (1360) г.); «Того же лѣта, на зиму, прислаша пскововици Онанью посадника и Павла в Новѣгород и *биша чолом* архиепископу новгородчкому Алексѣю о священни святоѣ Троицѣ» (Новгородская первая летопись под 6875 (1367) г.); «В лѣто 6888. *Биша чоломъ* всь Новѣградъ господину своему владыцѣ Алексѣю, чтобы еси, господине, ялъся ѣхати ко князю великому [Дмитрею Ивановичю]» (Новгородская первая летопись под 6888 (1380) г.).³⁴ Кроме того, в летописи встречается и *гелобитье* от жителей

³³ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 37.

³⁴ Кроме указанных фрагментов находим еще известия о «челобитье» к архиепископу: под 6860 (1352) г. от новгородцев, бояр и черных людей; под 6868 (1360) г. от псковичей; под 6883 (1375) от представителей новгородского веча.

пригорода Ореховца к тысяцкому Аврааму — представителю Новгородского правительства в переговорах со Швецией: «И послаша новгородци к Магнушу Авраама тысячного, Кузму Твердиславля и иных боярь. Аврам же со своими други прииха в Ориховецъ и хотѣ поихати к Магнушу... Орѣховци же биша челомъ Аврааму, чтобы не ѣхаль от них из городка» (Новгородская первая летопись под 6856 (1348) г.).

Сразу заметим основные черты *гелобитья* в Новгороде: оно совершалось в рамках внутренней новгородской политики, поэтому оно выглядит как прошение жителей к высшей административной власти. В то же время здесь сохраняются элементы посольского поклона: жители посылали своих представителей к архиерею или к боярину, и послы устно («ркуче такъ») передавали свое поручение. Подразумевался ли под фразой *бити гелом* реальный обрядовый жест или нет, определить трудно, но существование в указанных примерах устойчивого выражения в посольской речи («чтобы еси, господине») позволяет думать, что новгородское *гелобитье* представляло собой своего рода церемониал.

В летописных сообщениях о политической жизни Северо-Восточной Руси второй половины XIII—XV в. также встречаются эпизоды с *гелобитьем*. Так, например, в Новгородской первой летописи читаются два известия о том, как князь Андрей Александрович выпрашивал помощь у монгольского хана против родного брата Дмитрия, чтобы занять великокняжеский стол Владимира-Залесского: «В лѣто 6790. Андрѣи князь Александрович со Сменомъ Толигнѣвицемъ цесареви би чоломъ на брата своего на Дмитрия» (Новгородская первая летопись под 6790 (1282) г.); «Того же лѣта би чоломъ Андрѣи князь цесареви съ иными князи на Дмитриа князя с жалобами, и отпусти цесарь брата своего Дуденя съ множеством рати на Дмитриа» (Новгородская первая летопись под 6801 (1293) г.). Как видно, в данных примерах адресант — русский князь, а адресат — монгольский хан. Если учесть, что главная обрядовая функция *гелобитья* — определение иерархического отношения между адресантом и адресатом, то здесь четко отражается новая политическая ситуация второй половины XIII в.

В целом взаимоотношения адресанта — адресата, зафиксированные в северо-восточных источниках, оказываются весьма разнообразными. Рассмотрим следующие фрагменты: «Кириль митрополить приѣха ис Киева на Суздальскую землю, и слышелъ Игнатиа епископа Ростовскаго неправо творяща (...) Митрополить же Кириль за то епископа отлучи отъ службы, дондеже князь Дмитрей Борисович добиль челомъ за него митрополиту» (Троицкая летопись под 6788 (1280) г.). Здесь князь обращается с челобитьем не к другому князю, а к митрополиту.

Еще мы находим *гелобитье* монастырских людей к митрополиту в уставной грамоте Киприана, датированной 1391 г., которая начинается так: «Сязь Киприан, митрополит всеа Руси, дал есмь сю грамоту монастырю своему святому Константину и игумену. Что ми били челом сироты монастырские на игумена на Ефрема, так ркучи: “Наряжает нам, господине, дело не по пошлине...”».³⁵

³⁵ ААЭ. Т. 1. № 11.

Когда суздальский князь Дмитрий Константинович наступал на Нижний Новгород, князь этого города, его младший брат Борис Константинович, встретив Дмитрия, «кланяся и покаяряся и прося мира, а княжения ся сступая и доби челомъ³⁶ ему. Князь же Дмитреи Костянтиновичъ не оставя слова брата своего, взяша миръ межи собою» (Троицкая летопись под 6872 (1364) г.). А в рассказе о Куликовской битве рязанские князья к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому «биша челомъ и рядишася у него въ рядъ. Князь же великии, послушавъ ихъ, и прииме челобитье ихъ, и не остави ихъ слова» (Троицкая летопись под 6888 (1380) г.). Видно, что в этих эпизодах еще сохраняется традиционная схема *княжеского поклона*. А когда Дмитрий Константинович пошел в поход против волжских болгар и осадил их город, то «высла изъ города князь болгарскыи Осанъ и Маахмать Салтанъ, и добиста челомъ князю великому и другому 2000 рублевъ, а воеводамъ и ратемъ 3000 рублевъ» (Троицкая летопись под 6884 (1376) гг.). Здесь *челобитье* исполняется в рамках *посольского поклона*.

В следующих эпизодах новгородские послы обращаются с челобитьем к московскому великому князю, что было бы совершенно недопустимо для новгородских летописцев: «Тои же осени прислаша новгородцы пословъ своихъ къ великому князю, лучшихъ людей, биюще челомъ за своя вины и за грубости и за неисправления своя, а къ митрополиту грамоту послаша цѣловальную. Пришедше же послы ихъ, докончаша миръ по старинѣ»³⁷ (Троицкая летопись под 6901 (1393) г.). В сообщении о походе Дмитрия Донского на Новгород говорится: «...гражане (новгородские. — А. Н.) же съ владыкою вышедше изъ города и добиша челомъ князю великому 8000 рублевъ. Князь великии не остави ихъ слова и благословения владычняя и челобитья Новгородцевъ, взя миръ съ ними»³⁸ (Троицкая летопись под 6894 (1386) г.).

Еще в одном случае мы встречаем в летописи необычное отношение к *челобитью*: князь из литовского великокняжеского дома, Люборт Гедеминович, обратился (*бил гелом*) к Симеону Гордому, чтобы последний выдал за него дочь ростовского князя («Прислалъ князь Любортъ изъ Вельня своихъ боярь къ князю великому Семену бить челомъ о любви и испросити сестричну его за себе у князя Костянтина Ростовскаго, и князь великии приялъ въ любовь его челобитье, пожаловалъ и выдалъ свою сестричну въ Вельнь» (Троицкая летопись под 6857 (1349) г.).

Разнообразие взаимоотношений адресанта—адресата является характерной особенностью *челобитья* этого периода. В эпизоде с литовским князем данная фраза означает предложение брачного союза, а в случае *челоби-*

³⁶ *Добити гелом* означает *бити гелом* с успешным результатом, добившись чего-нибудь.

³⁷ По этому поводу в грамоте митрополита Киприяна к новгородцам 1393 г. также читается слово *челобитное*: «Сынъ мой великий князь <...> ваше челобитное моление приемлетъ и миръ по древнему даеъ вамъ» (Волков С. С. Из истории русской лексики. II. Челобитная. С. 46).

³⁸ В новгородской летописи этого времени (в Новгородской первой летописи младшего извода) находятся следующие параллельные чтения, разумеется, без упоминания *челобитья*: «И ѣзди владыка Алексѣи и доконца миръ на всей старинѣ; а за винныи люди, за волжанъ, взя князь великии у Новаграда 8000 рублевъ».

тья к митрополиту она равняется «прошению милости или помилования» («дондеже князь Дмитрией Борисовичъ добиль челомъ за него митрополиту»); в рассказах о новгородских послых она выступает то как извинение («биюще челомъ за своя вины и за грубости»), то как «предложение выкупа» («добиша челомъ князю великому 8000 рублевъ»). В некоторых случаях *гелобитье* употребляется, видимо, в значении «предложить свою службу». Так, например, в летописи читается известие: «Тое же осени приѣхаша на Москву 3 татарина ко князю великому, въ рядъ рядишася и биша ему челомъ, хотяще ему служити» (Троицкая летопись под 6901 (1393) г.). Когда смоленский князь Юрий Святославич уехал в Москву, он попросил («би челом») служения у великого князя Василия Дмитриевича: «...князь Юрьи... самъ прииде на Москву и би челомъ князю великому Василию Дмитриевичю, даючися ему самъ съ всѣмъ княжениемъ своимъ. Князь же великий Василей не приа его, не хотя измѣнити Витовту» (Троицкая летопись под 6912 (1404) г.). На основании данных такого рода Н. П. Павлов-Сильванский считал, что до конца XV в. выражение *бити гелом* обозначало древний обряд, совершавшийся при вступлении в службу князю (коммендация). Исследователь указывал, в частности, на выражение «бити челом в службу» в Никоновской летописи: «Генваря в 18 день, в неделю, били челом великому князю в службу бояре новгородские все, и дети боярские, и жытии, да, приказався, вышли от него» (Никоновская летопись под 6986 (1478) г.).³⁹

Таким образом, можно полагать, что в письменности Северо-Восточной Руси во второй половине XIII—XV в. произошло решительное переосмысление фразеологизма *бити гелом* и расширение его значения. Это связано, по-нашему мнению, с тем, что *гелобитье* утратило свою обрядовую функцию. Об этом свидетельствует то, что во всех указанных выше известиях нет никаких следов обрядовой сцены с прямой речью; *гелобитье* перестало быть усилительным синонимическим выражением *посольского* и *княжеского поклона*. Оно вступило на самостоятельный путь эволюции. При этом нельзя не отметить, что даже при расширении значения и сферы употребления данное выражение все еще сохранило свою основную функцию: определять иерархические взаимоотношения сторон.

Помимо изучения употребления формулы *бити гелом* в политической жизни Древней Руси следует обратить внимание и на бытование этого выражения в народном обиходе. Наблюдения над употреблением данной фразы в берестяных грамотах дают ясное представление о том, что в XIV—XV вв. она получила на новгородской почве значительное развитие. Известно 38 грамот, в которых содержится формула *бити гелом*, включая предполагаемые чтения в частичной и полной реконструкции (№ 300, 467, 303, 306).⁴⁰ Самой ранней является грамота № 140, датированная 10—30-ми гг. XIV в., а самыми поздними — грамоты, относящиеся к 20—40-м гг. XV в.

³⁹ См.: Павлов-Сильванский Н. П. Символизм в древнем русском праве // Феодализм в России. М., 1988. С. 502—503.

⁴⁰ См.: № 140, 354, 102. 31, 32, 610, 474, 290, 370. 167, 94, 362, 97, 248, 135, 314, 491, 694, 15, 129, 311, 157, 297, 301, 300, 313, 306, 693, 413, 310, 242, 243, 307, 303, 22, 309, 465, 467. Ст. Р. 40. Номера берестяных грамот указаны по принятому в книге А. А. Зализняка хронологическо-групповому порядку (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004).

(№ 307, 303, 465). Таким образом, материалы берестяных грамот позволят наблюдать эволюцию формулы на протяжении приблизительно одного столетия.

Из некоторых статей, посвященных изучению этикетных формул берестяных грамот, можно извлечь важные сведения для данной работы.⁴¹ А. А. Зализняк разбил адресные формулы на два типа: нейтральные формулы (без изъявления почтения) и почтительные формулы (с изъявлением почтения). Здесь *бити гелом* и *гелобитье* принадлежат к последнему типу наряду с формулами *покланяние*, *поклонъ*, *слово добро*. Исследователь отметил общую тенденцию: господство нейтральных формул в XI—середине XIII в. сменяется преобладанием почтительных в последующие эпохи. Среди последних формула *поклон* наблюдается чаще всех в XII—XIV вв., а с середины XIV в. резко увеличивается число писем с формулами *бити гелом* и *гелобитье*.⁴² Отсюда ясно, что в эволюции и в смене наиболее популярных адресных формул выражения *бити гелом* и *гелобитье* появляются в самую последнюю очередь.

В статье А. А. Зализняка намечается также сопоставление адресных формул и слов *господин*, *госпожа*, *господа*.⁴³ Весьма интересно, что количество писем с этими словами, которые безусловно показывают принадлежность адресата по социальной иерархии к нижнему классу, значительно увеличивается с XIV в., что соответствует появлению формул *бити гелом* и *гелобитье*. По нашим наблюдениям, действительно, большинство писем со словами *бити гелом* и *гелобитье* содержит обращение к адресату со словами *господин*, *госпожа* (28 писем из 36).

Теперь рассмотрим эволюцию самих формул *бити гелом* и *гелобитье* в XIV—XV вв. В письмах 10-х—80-х гг. XIV в. фразеологизм *бити гелом* встречается в разных контекстах. Иногда он выступает как начальная адресная формула: «господину Съмену Марко целомо бьеть...» (№ 140: 10—30-е гг. XIV в.); «Фешке Юрьгию целомъ бье. Соле на борзи не была от тебе...» (№ 32: 40—60-е гг. XIV в.), а иногда фраза читается в конце письма как заключительная формула: «...а язъ тобѣ г(осподи)не цоломъ бию. Г(оспод)и помилуй, дьяка Бельского» (№ 610: 60—80-е гг. XIV в.); «...господине обороня, язъ тобѣ цоломъ бью» (№ 474: 1380—1400-е гг.). В некоторых письмах (№ 102, 610, 290, 370) *бити гелом* содержится вместе с другой начальной формулой — *поклон*: «Поклонъ ко Юрью и к Максиму от всихъ сироть... а на томъ тобѣ цоломъ» (№ 290: 80-е гг. XIV в.).⁴⁴

⁴¹ См.: Мещерский Н. А. 1) Существовал ли эпистолярный стиль в Древней Руси?: (Из заметок о грамотах на бересте) // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963. С. 212—217; 2) Избранные статьи. СПб. 1995. С. 39—44; Worth D. S. Incipits in the Novgorod Birchbark Letters. P. 320—332; Зализняк А. А. 1) Текстовая структура древненовгородских писем на бересте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 147—182; 2) Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000. Т. 10. С. 134—429.

⁴² Зализняк А. А. Текстовая структура древненовгородских писем на бересте. С. 150—152.

⁴³ Там же. С. 152.

⁴⁴ В одной эпистолярной записи писца, датированной XIV в., на пергаменной рукописи новгородского происхождения, встречается фраза: «А язъ вамъ бию челомъ, сво-

В целом можно утверждать, что до конца XIV в. фраза *бити гелом* употреблялась в достаточной мере свободно от контекста и еще не стала устойчивой формулой. С конца XIV в. рассматриваемая фраза приобрела формулярный характер. Она употреблялась всегда в начале письма: «биють целомъ кртыяне господину Юрию Онцифоровицю о ключник?...» (№ 94: кон. XIV в.—1400-е г.); «Господину Михаилу Юрьевичу биють челомъ хртыяне Черенщани...» (№ 157: 10-е—20-е гг. XV в.). Вместе с тем как раз с этого времени появилось производное от этой формулы слово *гелобитье*.⁴⁵ Примечательно, что слово *гелобитье* всегда выступает в формуле *гелобитье от X к Y* в начале письма: «Чолобитье от Мелника из Лоствиць к Юрью к Онцифорову» (№ 167: 80—90-е гг. XIV в.); «Цолобитье от Есифа брату своему Фомѣ» (№ 129: 80—90-е гг. XIV в.), так что появление этого производного вида, несомненно, связано с утверждением данного выражения как устойчивой этикетной формулы в эпистолярном обиходе.

Помимо грамот на бересте выражение *бити гелом* представлено в новгородских официальных актах начиная с 10-х—20-х гг. XIV в. Приведем один из самых ранних документов от «старосты» к своему князю, датированный 1315—1322 гг.: «Се би челом староста Азика и Харагинець, и Ровда, и Игнатець, приехавъ от своей братьи, князю Офонасью на Василья на Матфеева...».⁴⁶ Знаменательно, что появление фразы *бити гелом* в актовых документах (10—20-е гг. XIV в.) довольно точно совпадает по времени с самой ранней ее фиксацией в берестяном письме (см. выше, № 140).

Таким образом, сохраняя свою основную черту (обращение низшего к высшему), *гелобитье* как письменная формула в Новгородской земле также получило своеобразное развитие.

4. От поклона к гелобитью

Выше мы видели, что во второй половине XIII—XIV в. в политических центрах Древней Руси *поклон* и *гелобитье* (*бити гелом*), которые раньше были почти синонимическими выражениями, получили своеобразное развитие. Посмотрим теперь, как они «конкурировали» в последующее время.

По нашему мнению, наблюдения над текстами новгородских берестяных грамот дают возможность разобраться в этом интересном вопросе. Как показано в табл. 1, отражающей хронологическое распределение четырех типов адресных формул в берестяных грамотах всех периодов, тенденция эволюции употребления формулы от *поклона* к *гелобитью* очевидна.⁴⁷

им старѣишим» (как заключительные слова). См.: Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000. С. 426.

⁴⁵ См.: № 167, 135, 314, 15, 129, 297, 300, 413, 310, 242, 22, 465.

⁴⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 279 (№ 279). См. также: Волков С. С. Из истории русской лексики. II. Челобитная. С. 49.

⁴⁷ Табл. 1 составлена на основании монографии А. А. Зализняка (*Зализняк А. А. Древненовгородский диалект*. М., 2004), с добавлением материалов, описанных в следующих статьях: *Зализняк А. А., Торопова Е. В., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из раскопок 2004 г. С. 3—10; *Зализняк А. А., Торопова Е. В., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из

Таблица 1

<i>Даты</i>	<i>покланяние</i>	<i>поклонъ</i>	<i>бити челом</i>	<i>челобитье</i>
XI — 1-я четв. XII в.	4	—	—	—
ок. 1125 — ок. 1160 г.	6	—	—	—
ок. 1160 — ок. 1220 г.	32	3	—	—
ок. 1220 — ок. 1300 г.	3	11	—	—
ок. 1300 — ок. 1360 г.	—	22	5	—
ок. 1360 — ок. 1400 г.	—	32	11	4
ок. 1400 г. —	—	14	11	6

В качестве комментария к табл. 1 следует подчеркнуть, что между адресными формулами *покланяние*, *поклон* и *бити челом*, *челобитье* имеется существенное различие. Формулы *покланяние*, *поклон*, выражая почтение к адресату, никак не указывают на социально-иерархическое отношение между автором и адресатом. Об этом наглядно свидетельствует переписка между двумя боярами: Есифом Давидовичем и Матфеем. Сравним две грамоты: «Поклоно от Давыда и от Есифа къ Матфѣю, постой за нашего сироту, молви дворянину Павлу, Петрову брату дать грамотѣ...» (№ 5: середина XIV в.); «Поклоно от Матвия ко Есифу ко Давидову, вывези ми 2 медведна, да веретиша да попонь...» (№ 65: середина XIV в.). В первом письме Есиф выступает как автор и Матфей как адресат, а во втором — наоборот, но оба письма имеют одинаковую адресную формулу *поклоно*. Можно было бы сказать, что это новгородская черта этикетных формул, в которой отражаются «демократические» гражданские отношения. Что же касается формул *бити челом*, *челобитье*, то, наоборот, их употребление всегда предполагало социально-иерархическое различие, как мы подробно рассмотрели выше.

Приведем еще одно интересное сравнение. Табл. 2 показывает количество берестяных писем, найденных на усадьбе Неревского раскопа и адресованных к трем новгородским боярам одной посадничьей семьи (Онцифору Лукиничу, Юрию Онцифоровичу и Михаилу Юрьевичу).⁴⁸

Таблица 2

<i>Адресат и даты писем</i>	<i>поклонъ</i>	<i>челом бити, челобитье</i>
Онцифор Лукинич, 1340—1350 гг.	4 (№ 385, 98, 99, 101)	—
Юрий Онцифорович, 1370—1380 гг.	4 (№ 446, 273, 339, 370)	5 (№ 370, 94, 97, 362, 167)
Михаил Юрьевич, 1410—1420 гг.	1 (№ 306)	8 (№ 297, 300, 301, 306, 308, 311, 313, 157)

Письма почти одинаковы по положению отправителей и по содержанию — это сообщения к хозяину от приказчиков или крестьян по различным хозяйственным вопросам. Вот, например, самое раннее и самое позд-

раскопок 2010 г. С. 3–19. Периодизация дается по хронологическим разделам, принятым в монографии А. А. Зализняка. В таблице указано количество формул в грамотах, в том числе реконструированные чтения. Когда в одной грамоте содержится более двух формул, каждая формула считается отдельно.

⁴⁸ О Неревском раскопе и о грамотах, найденных на нем, см.: Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 2-е изд. М., 1975. С. 76–124.

нее из них: «Поклоно посаднику Онсифору, оже еси во пори наболися по-сзовно грамотою...» (№ 385: 1340—1360-е гг.); «Господину Михаилу Юрьевичю биють челомъ хрисяне черенщани что еси господине велѣлъ намъ переставливати дворъ, и ключникъ нам, господине, велить переставливати... и, господине, ли... вы... не упра...» (№ 157: 1410—1422 гг.).

Поскольку все три адресата принадлежат к разным поколениям одной семьи (дед—сын—внук), по таблице можно установить тенденцию использования двух видов этикетной формулы в хронологическом порядке. Хотя количество грамот в таблице ограничено, можно ясно увидеть тенденцию от *поклона* к *зелобитью*. В ней отражается, по нашему мнению, перемена характера использования формул рядовыми новгородцами под московским влиянием в области актов дипломатики на протяжении середины XIV—первой половины XV в.⁴⁹

Подобную тенденцию можно видеть и в памятниках, созданных московскими книжниками. Обратим внимание на один памятник летописания первой половины XV в. — Софийскую первую летопись. Как известно, это крупный летописный свод, составленный из предшествующих летописей киевского, новгородского и северо-восточного происхождения. Если изучить употребление исследуемых терминов в этой летописи и сравнить каждое чтение в их возможных источниках, то оказывается, что в подавляющем большинстве случаев выражения *бити челом*, *зелобитье* были внесены редактором С1Л.⁵⁰ Так, например, под 6454 (946) г.: в С1Л — «Древляне же ради бывше, собрата по всему граду от двора по 3 голубии и по 3 вороби, и посла к Волзѣ с челобитиемъ» / в НК1 — «Древляне же ради бывше, събраша по всему граду от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша къ Олзѣ с поклономъ»; под 6722 (1214) г.: в С1Л — «Чудь добиша челом Мстиславу» / в НК1 — «Чюдь поклонишася ему»; под 6742 (1234) г.: в С1Л — «добиша немцы челом князю Ярославу» / в Н1Л — «поклонишася нѣмци князю»; под 6777 (1269) г.: в С1Л — «немцы прислаша послы своя с челобитием, глаголюще: “челом бьем”» / в Н1Л — «прислаша послы с молъбою: “Кланяемся на всеи воли вашей”».

Указанные разночтения, несомненно, возникли в результате редакторской работы создателя С1Л. В статьях, охватывающих X—XII в., слово *зелобитье* было применено в эпизодах заключения мирных договоров, когда адресантом были иноплеменники (древляне, чудь, немцы), а адресатом были русские князья. А в статьях XIII—XV вв. в редактировании С1Л с фразой *зелом бити*, *зелобитье* обнаруживается другая явная тенденция. Здесь адресантом являются всегда новгородцы, а адресатом — великий князь, например: под 6763 (1255) г.: в С1Л — «И послаша новгородци с челобитиемъ к великому князю владыку и Клима тысяцкого...» / в Н1Л — «И по-

⁴⁹ О московском влиянии в области актов дипломатики на примере жанра «завещания» см.: Накадзава А. Рукописание Магнуша: Исследование и тексты. СПб., 2003. С. 75—83.

⁵⁰ При анализе текстов использованы летописи в следующих изданиях: ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 2: Софийская первая летопись старшего извода (С1Л); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (Н1Л); ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись (Первая и вторая подборки: НК1 и НК2).

слаша новгородци къ князю владыку и Клима тысячкого»; под 6841 (1333) г.: в С1Л — «новгородцы же послаша послы своя к великому князю с челобитием архимандрита» / в Н1Л — «И послаша новгородцы послы, зовуще в Новѣгород: анхимандрѣта»); под 6906 (1398) г.: в С1Л — «ѣздиша на Москва к великому князю Василию Дмитриевичу послы новгородские <...> с челобитьемъ от Новагорода и взяша миръ» / в НК2 — «...ездиша послы из Новаграда к Москве <...> и взяша миръ съ княземъ Васильемъ». ⁵¹

В рассмотренном выше фрагменте о походе Дмитрия Ивановича на Новгород в 1386 г. редактор С1Л использовал *гелобитье* три раза, несомненно, для того, чтобы подчеркнуть подчинение новгородцев великому князю: «Новгородци же послаша к великому князю Дмитрию Ивановичу с челобитиемъ владыку Алексѣя, он же приѣха к великому князю и рече: “Господине княже, азъ тебе благословляю, а Великий Новѣгородъ весь челомъ бьетъ, чтобы еси учинив миръ, а кровопролития бы, господине, не было. А за винные люди Великий Новѣгород докончиваеъ и челомъ бьетъ тебѣ 8000 рублевъ”».

Пристрастие сводчика С1Л к слову *гелобитье* очевидно. При помощи этого термина он стремится изобразить Новгород и новгородцев в значительной степени подчиненными великокняжеской власти. Такое последовательное и идеологически мотивированное редактирование, несомненно, является выражением промосковской позиции редактора С1Л, но в то же время можно заметить, что для московского книжника первой половины XV в. слово *гелобитье* имеет особенную смысловую нагрузку по сравнению с *поклоном*, *мольбой*, что позволяет нам увидеть новый этап в эволюции данного термина.

Разумеется, сами новгородцы видели свои отношения с Москвой совсем иначе. Ни в новгородских летописях, ни в новгородских официальных грамотах, связанных с князьями (в том числе и с великими князьями), вплоть до середины XV в. не обнаруживается выражений, которые определяли бы отношения Новгорода с Москвой, используя термин *бити гелом*. Как мы видели выше на примере летописных известий новгородского происхождения и берестяных грамот, выражение *гелом бити*, *гелобитье* употреблялось исключительно во внутренних отношениях.

Лишь в договорных (докончальных) грамотах с великим князем при Яжелбицком мире 1456 г. впервые читается фраза: «Что добили челомъ бояре ноугородские великому князю въ Яжелбицахъ». ⁵² Потом в двух договорных грамотах с Иваном III при заключении Коростынского мира 1471 г. зафиксировано *гелобитье* новгородцев по отношению к великому князю: «Се добиль челомъ великому князю Ивану Василиевичю всея Руси наречены на архиепископство Великого Новагорода и Пскова священноинок Фе-

⁵¹ Такую манеру редактирования С1Л можно видеть также в статьях: 6749 (1241) (дважды), 6777 (1269) (дважды), 6784 (1276), 6789 (1281), 6849 (1341), 6855 (1347), 6874 (1366), 6883 (1375), 6894 (1386) гг. В одном случае (под 6704 (1196) г.) фраза «новоторжци с поклоном» даже ошибочно переделана на «новгородьци с челобитьем» (см. об этом подробнее: *Накадзава А.* К вопросу об одной особенности редактирования Софийской первой летописи // *О древней и новой русской литературе*: Сб. статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 51–61).

⁵² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 24.

офил, и посадники новгородские...»;⁵³ «Се приехаша к великому князю Иоанну Васильевичю всея Руси (...) посадники новгородские (...), и добили челомъ своеи господѣ великимъ княземъ, и кончали миръ...».⁵⁴ Знаменательно, что появление термина *бити гелом* в официальных новгородских документах символизирует подчинение Новгородской республики Московскому государству.⁵⁵

* * *

Итак, подводя итоги нашему исследованию, представим в схематическом изложении основные этапы эволюции данных этикетных формул.

В XI—XII вв. на Руси общекультурный и религиозный обрядовый жест *поклон* был широко распространен и применялся в политической деятельности. Это происходило частично под влиянием развитого обряда поклонения в православной церкви. Прежде всего, *поклон* практиковался послами при заключении мирных договоров (*посольский поклон*). Его основная функция — демонстрировать покорность, подчинение побежденной стороны. В княжеской среде, где принцип «родового старшинства» занимал особенно важное место, этот жест активно использовался. В конце XI—начале XIII в., когда из-за междоусобиц часто нарушался принцип «старшинства», *княжеский поклон* применялся для определения иерархических отношений и восстановления нарушенного политического порядка.

В XII в. иногда *княжеский* и *посольский поклоны* в памятниках летописания выражались также формулой *ударити гелом*. Она понималась древнерусскими книжниками как усилительный вариант *поклона*. Это выражение, вероятно, представляло собой формулу, возникшую под влиянием тюркских языков в результате культурно-дипломатического контакта со степными кочевниками. Появление нового варианта *поклона* свидетельствовало о том, как глубоко укоренился этот обрядовый жест в политической практике князей.

Можно заметить в источниках, что *посольский поклон* передавался не только жестом, но и речью. Посол обычно одновременно и «поклонялся», и «высказывал» поклон своего хозяина. Таким образом, возникла устойчивая речевая формула «*кланяю ти ся*», которая, в свою очередь, превратилась в письменную этикетную формулу. Фраза *ударити гелом* (усиленный вариант *поклона*) не входила в речевой обиход, зато с конца XII в. в речевой практике стала употребляться более подходящая форма — *бити гелом*. И как речевая, и как письменная формула она получила в последующее время широкое применение.

⁵³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 25.

⁵⁴ Там же. № 26.

⁵⁵ Нелишне будет отметить, что в дипломатической практике XVI в. *поклон* и *гелобитье* как церемониальные приветствия русского царя, передаваемые через посла к иностранному монарху, четко отличались друг от друга: *поклон* — равному или младшему монарху, *гелобитье* — старшему. Так, например, русские государи XV—XVI вв. передавали *гелобитье* крымским ханам, а царевичам-«калгам» — *поклон*, что, очевидно, принято было и в русско-ордынской дипломатической практике предшествовавшего периода (Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведётся...»: Русский посольский обычай конца XV—начала XVII в. М., 1988. С. 126).

Параллельно с *регевым поклоном* появилась его письменная фиксация в качестве этикетной формулы, особенно в эпистолярном жанре. Нетрудно заметить, что это происходило под влиянием *регевого поклона*. По свидетельству новгородских берестяных грамот, сначала появилась заключительная формула письма *покланяются* для выражения вежливости. Вместе с этим употреблялось слово церковного происхождения *покланяние* как начальная, адресная формула. Употребление этих двух формул продолжалось на протяжении XII—XIII вв., потом они сменились формулой *поклон*. Она широко употреблялась как самая популярная и устойчивая формула в берестяных письмах вплоть до первой половины XV в.

С середины XIII в. в связи с существенным изменением политической обстановки на Руси фраза *бити челом* значительно расширила сферу употребления. В Новгороде она применялась в значении прошения жителей к своим властям, преимущественно к архиепископу. А в Северо-Восточной Руси эта формула употреблялась в самых различных сферах политической жизни: в отношениях между ордынскими ханами и русскими князьями, между князьями и подчиненными племенами, между старшими и младшими князьями, между церковной властью и христианами и т. п. В этой связи во второй половине XIII—XV в. сфера применения данной фразы существенно расширилась, она стала использоваться в таких значениях, как «прошение», «предложение», «извинение».

Примерно с XIV в. выражение *бити челом* прочно вошло в социально-экономическую сферу и стало активно использоваться как формула в частной и официальной переписке. Оно отличалось от нормативной адресной формулы *поклон* тем, что в нем была подчеркнута его главная функция — четко определять и демонстрировать иерархические отношения адресанта и адресата. В конце XIV—XV в. в ходе распространения данной формулы появилось новое производное слово — *челобитье*, что свидетельствовало о ее окончательном утверждении в эпистолярном обиходе.

На всех этапах эволюции двух этикетных формул — *поклона* и *челобитья* — наблюдается их конкуренция, особенно в XIV—XV вв., причем не только в северо-восточных памятниках, но и в новгородских берестяных грамотах. Всюду наблюдается явная тенденция развития от *поклона* к *челобитью*. В этой тенденции отражались, по нашему мнению, перемены в политических отношениях между двумя центрами Древней Руси — Новгородом и Москвой.